

АЛЕКСАНДР ЧУВАРЛЕВ

С наступающим
1979 годом,
товарищи!

БЮРО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ

ХЛЕБ

43 ЖИЗНИ СПУСТЯ

Он хотел
спасти сорок
три жизни.
Прошлое
потребовало
плату.

★
РОСТОВ-НА-ДОНУ • 2015 / 1978

Убить зло до первого убийства — не значит победить его.

Александр Чуварлев

43 жизни спустя

<https://litres.ru/74159833>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ростов-на-Дону, 2015 год. Патологоанатом Алексей Левша узнаёт: его дядя, пропавший в 1984-м, стал одной из жертв Чикатило. Тело так и не нашли. Статистика.

А потом в старом морге Алексей находит дыру во времени.

Он попадает в 1978-й — за день до первого убийства маньяка. У него есть шанс всё изменить. Спасти 43 жизни. Остановить зло, которое ещё никто не видел.

Но прошлое не прощает вмешательства.

Содержание

Морг	4
Вокзал	21
Милиция	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

43 жизни спустя

Морг

Январь 2015-го встретил Ростов сырой промозглостью. Алексей проснулся не от холода — к холоду привык, — а от тишины. Перестала стучать батарея. В комнате повисло то, что бывает только в старых домах, когда отключают отопление: воздух будто сгущается, становится плотным, оседает на лёгких холодной слизью.

Квартира на Ворошиловском досталась от бабки. Потолки такие, что в углах темнота держится даже днём. Мебель — гарнитур, который уже никто не называет польским, потому что Польши той нет, а он стоит. На стене ковёр с оленями. Олени выцвели до бледных пятен, ручей, у которого они стояли, превратился в расплывчатое серое пятно — если не знать, что там ручей, можно подумать, просто дефект печати.

Натянув трусики с пузырями на коленях, Алексей прошлёпал на кухню. Вчерашний чай в кружке покрылся плёнкой. Выплеснул в раковину, заварил новый — пакетик «Помещик Бур», дешёвый, но горячий. На плите, в эмалированной кастрюле, заветрилась отбивная, рядом ждали макароны по-флотски. Он жевал холодное, глядя на стену. Там, сре-

ди бабушкиных тарелок с золотым ободком, висела фотография. Дядька Коля. Брат матери. Широкое лицо, светлая рубашка, взгляд исподлобья. На снимке ему лет шестнадцать — выпускной из ремесленного. Хозяином жизни собирался стать.

В августе восемьдесят четвёртого он пошёл купаться на Дон с друзьями. И не вернулся.

Алексей был мелким, но помнил, как мать плакала ночами. Помнил, как иногда, в минуты особой грусти, она доставала эту фотографию и говорила: «Колька бы сейчас уже дядькой был, детьми бы обзавёлся». Помнил, как через много лет, когда имя убийцы уже гремело на всю страну, мать достала пожелтевшую справку. Ножевое. Неопознан. Захоронен в общей могиле. Эксгумация, допросы. Следователь сказал тогда: «Ваш брат, гражданин Левша, попал в статистику. В акт. Всё».

Мать плакала снова.

— Статистика, — вслух сказал Алексей, дожёвывая макароны. Слово было холодным и склизким, как кусок сырого сала.

.....

В морге Бюро судебно-медицинской экспертизы пахло формалином, хлоркой и дешёвыми сигаретами. Этот запах впитывался в кожу намертво. В маршрутках Алексея всегда узнавали по нему — рядом с ним старались не садиться, будто сама смерть пристроилась на соседнем сиденье.

Работал он здесь уже полгода после окончания мединститута. Можно было пойти в клинику, лечить живых. Но его тянуло сюда. В тишину. В конкретику, где всё ясно: вот причина, вот следствие.

— Лёха, чай будешь? — крикнул из ординаторской Степаныч.

Степаныч работал здесь с семидесятых. Сутулый, с прокуренными усами, в вечном свитере с вытянутыми локтями. В ординаторской он разливал кипяток по гранёным стаканам — подстаканники были дешёвые, алюминиевые, но Степаныч говорил, что из таких вкуснее. Никто не понимал, как это работает, но спорить не лезли.

— Нынче повезло, — кивнул он на дверь секционной. — Один утопленник, да бабка из пятьдесят пятой. Естественница. Соседи вызвали, запах пошёл. Спокойный день.

Алексей сел на табуретку, обитую старой клеёнкой, достал пачку «Пьер ля Кур», закурил. Степаныч глянул на подоконник, где лежала стопка книг: «Дело Чикатило», «Палачи и жертвы», «Антропология зла». Усмехнулся:

— Опять ты за своё?

— Личное, Степаныч. У меня дядька в те годы пропал.

Степаныч крякнул, но ничего не сказал. Только подвинул сахарницу с обломанной крышкой.

Из динамика щёлкнуло: «Степаныч, ДТП на выезде. Второй номера уже в морге, первого везут. Молодой парень».

— Вот тебе и спокойный, — вздохнул Степаныч, натяги-

вая фартук. — Пошли.

В секционной было стерильно и холодно. Парень на каталке, накрытый простынёй. Алексей надел перчатки, маску. Двадцать три года. Мотоциклист. Столкновение с грузовиком.

Он откинул простыню. Степаныч у раковины присвистнул:

— Красивый был.

Алексей кивнул. Скальпель вошёл в тело. Разрез от ключицы до лобка. Кожа, жир, мышцы. Зажужжала пила, вскрывая грудную клетку. Работа. Описать каждое повреждение, каждую гематому, сфотографировать переломы. Чтобы потом следователи, судьи, эксперты поняли: вот этот удар был смертельным, а здесь он уже падал.

В полдень перекур. Алексей вышел на крыльцо, затянулся. Небо затянуло тучами, собирался снег с дождём. Перед глазами — раздробленная грудная клетка и татуировка на руке: «Не забуду мать родную». Он старался не смотреть на лица. Смотреть на органы. Так легче.

— Лёха! — крикнул из дверей Степаныч. — Тебе пакет из архива облсуда принесли. Заказывал?

Алексей кивнул. Заказал на прошлой неделе, заполнил кучу бумаг. Хотел наконец увидеть своими глазами, что там написано.

В предбаннике на табуретке лежал пыльный белый конверт, перетянутый бечёвкой. Штамп: «Архив. Хранить веч-

но». Внутри — тонкая серая папка. На обложке выцветший машинописный текст: «Заключение судебно-медицинской экспертизы трупа 432. 1984 г.».

Алексей открыл папку. Первая страница. Фотография. Дядька Коля. Только теперь он лежал на таком же столе, с аккуратно зашитым Y-образным швом на груди.

Степаныч заглянул через плечо. Глянул на год, на характер повреждений в описании, и лицо его изменилось.

— Ну-ка, дай сюда.

Он взял папку, полистал, вглядываясь в строки. Потом поднял глаза на Алексея.

— Восемьдесят четвёртый, говоришь? Район Аксая?

— Да.

Степаныч закрыл папку, положил на стол. Помолчал. Потом сказал негромко:

— Ты ж читаешь про него. Про того, из Новочеркасска. У него таких... с восемьдесят второго пошло. И почерк — один в один. Ножевое, множественные, посмертные повреждения. Я тогда молодой был, тридцать семь, но посмотрелся.

Алексей молчал. Он читал. Знал. Но одно дело — читать, другое — держать в руках фотографию собственного дяди с заключением, которое мог написать эксперт по делу Чикатило.

— Думаете, это он?

Степаныч пожал плечами.

— Кто ж теперь скажет? Его расстреляли. — Он похлопал

по папке. — Ты это аккуратно. Такое знание душу берedit.
— Садись, Лёха. Чай остыл.

Алексей послушно сел. Старик налил в стаканы свежего кипятку, плюхнул заварки, придвинул сахарницу. Сам садиться не стал, прислонился к подоконнику.

— Ты вот это читаешь, — кивнул он на стопку. — Думаешь, понимаешь. А я, Лёха, его руками трогал. Не его самого, тьфу-тьфу. А тех, кого он...

Степаныч замолчал, достал папиросу, прикурил. Руки у него не дрожали. Никогда.

— Ты знаешь, сколько их в Ростове в те годы пропадало? — спросил он вдруг. — Детей. Идут в школу — не приходят. Милиция искала, конечно, но... Это же восьмидесятые. Одни говорили — американцы детей воруют на органы. Другие — банда. А мы тут, в морге, знали. Знали, что это не банда. Потому что банда — она по-разному убивает. А тут был... почерк.

Алексей слушал, забыв про чай.

— Первый, что ко мне попал, — продолжал старик, глядя в окно, — это восемьдесят третьим, кажись. Мальчишка лет девяти. Нашли в лесополосе, возле аэропорта. Я тогда молодой был, как ты. Думал, видел уже всё. А как этого на стол положили... — Степаныч сглотнул. — Глаза выколоты. Язык откушен. Ножевых — десятка два, но он ещё и резал потом, после смерти. Не просто убил — над мёртвым телом.

Алексей почувствовал, как внутри закипает что-то тяжё-

лое, горячее. Он сам вскрывал убитых. Но дети... Он пока детей не брал.

— А потом их повезло, — Степаныч затаился глубоко, до кашля. — Я их по именам помню, Лёха. Всех. Не потому что память хорошая — потому что таких лиц больше ни у кого не было. Только у него. Пустота внутри.

— И вы работали? — тихо спросил Алексей. — Просто описывали?

— А ты что предлагаешь? — Степаныч резко повернулся. — Отказаться? Я эксперт. Моё дело — факты. Сколько ран, какой глубины, чем нанесены. Чтобы потом, когда этого козла поймают, можно было доказать: это он. Его почерк. Я каждую царапину на тех телах описал. Я, Лёха, его поймать помог. Не ментам с рациями, а вот этим, — он постучал пальцем по лбу, — анализом.

Наступила тишина. Только где-то в трубах гудела вода, и в соседней комнате жужжала холодильная камера.

Алексей смотрел на папку с делом дяди. На снимок. Кулак сжался сам собой.

— Я бы хотел встретить этого урода, — выдохнул он. — До того, как он первого тронул. Просто оказаться рядом в тот момент, когда он нож достал.

Слова вылетали тяжело, с хрипом.

Степаныч долго молчал. Потушил папиросу о край подоконника, бросил окурочек в консервную банку.

— А смог бы? — спросил он вдруг тихо. — Взять кирпич,

подойти к живому человеку — пусть даже самому последнему ублюдку — и проломить ему череп? Чувствуя, как хрустит кость, как тёплая кровь брызжет на руки? И смотреть ему в глаза, пока они не остекленеют? Смог бы, Лёха?

Вопрос повис в воздухе.

Алексей хотел ответить сразу — «да». Но язык прилип к гортани. Он представил. Не абстрактного «урода» из газет, а человека. Который дышит, смотрит. И руку с камнем.

Перед глазами встал дядька Коля с фотографии. Потом мальчишка девяти лет, про которого рассказывал Степаныч.

Злость никуда не делась. Она просто стала холоднее.

— Смог бы, — сказал он наконец. Твёрдо, глядя Степанычу в глаза.

Старик усмехнулся — невесело, одними уголками губ.

— Молодой ты. Горячий. — Он похлопал ладонью по папке с делом. — Ты это... когда за правдой пойдёшь, не озверей. А то ведь можешь и не заметить, как сам по ту сторону стола окажешься. Не как эксперт.

И вышел.

Алексей остался один. Смотрел на снимок. Статистика. Просто статистика. А теперь статистика лежит у него на столе.

.....

23:47. Бюро судебно-медицинской экспертизы.

Алексей задержался. Степаныч ушёл в шесть, бросив на прощание: «Не засиживайся с мертвяками». Но Алексей не

мог уйти.

Папка с делом дяди лежала перед ним. Он перечитывал заключение, вглядывался в строки, написанные от руки шариковой ручкой.

«Множественные колото-резаные ранения Смерть от острой кровопотери»

Сухие строчки. Ни слова о том, как дядька Коля, шестнадцатилетний пацан, шёл берегом Дона, мечтал о будущем. Успел ли понять, когда сзади подошли? Увидел ли лицо?

Алексей потер глаза. Горела настольная лампа, за окном чернота. Он встал, прошёлся по коридору. В морге ночью особенно тихо. Холодильники гудят ровно, убаюкивающе. Капает вода из крана. Захотелось курить, но идти на улиц в такой мороз... нет, пока Степаныча нет, старое крыло здания подойдёт.

Он дошёл до конца коридора, где старая часть здания. Бюро было в бывшем административном корпусе конца семидесятых. Сейчас тут вечная недостройка — денег не хватало. В конце коридора зиял проём, завешенный полиэтиленовой плёнкой. Дальше должен быть склад старого инвентаря.

Алексей отодвинул плёнку. Запах сырости, цементной пыли, ржавчины. В углах ящики, старые носилки, сломанный центрифужный стол. Луч фонарика выхватил кирпичную кладку.

И дыру.

В углу, почти у пола. Похожая на вентиляционную шахту,

но странно узкая, овальная. Края из старого, выщербленного кирпича. Оттуда тянуло холодом. Не сквозняком — другим. Глубинным. Земляным.

Алексей присел на корточки, осветил внутрь. Луч уходил в темноту и терялся, не находя ни дна, ни стен. Только чернота. И абсолютная тишина — без гула холодильников, без города.

Он протянул руку, коснулся холодного кирпича. Пальцы ощутили шершавую поверхность, цементную крошку. Ничего необычного. Он надавил сильнее — кирпич как кирпич. — С ума сойти, — пробормотал Алексей.

Он сидел на корточках и смотрел в эту дыру минуту, две, пять. Пытался найти рациональное объяснение. Старая вентиляция, заваленная строительным мусором. Продушина в подвал. Что угодно.

Потом встал, размял затёкшие ноги и пошёл обратно в ординаторскую.

По дороге остановился. Вернулся. Снова осветил фонариком в дыру. Та же чернота, тот же холод.

— Глупость, — сказал он вслух.

И всё-таки присел снова. Протянул руку — и в этот раз, когда пальцы коснулись кирпича, мир дрогнул.

Не вспышка, не звук. Просто дрогнул, как кинолента при перемотке назад. Алексея повело, он вцепился в кирпичи — и провалился внутрь. На миг показалось, что он летит в пустоту, хотя тело оставалось на месте. Или нет? Он перестал

понимать, где верх, где низ.

А потом свет ударил в глаза.

Он стоял на коленях на голом бетонном полу. Пахло свежей краской, цементом, машинным маслом. Ни ящиков, ни носилок. Пустой коридор с голыми стенами, без отделки. На стенах — лампы дневного света в металлической сетке, но не горят. Стройка.

Алексей поднялся. Это было то же здание. Он узнал планировку: вот здесь ординаторская, тут секционная. Но сейчас — только бетонный каркас, пахнущий морозом и свежестью.

Он подошел к окну — проему, затянутому целлофаном. Отодвинул край.

И замер.

За окном был другой мир.

Снег. Чистый, белый, пушистый, искрится под фонарями. Фонари другие — старые, на высоких бетонных столбах, с круглыми плафонами. Дорога без асфальта — укатанная снежная колея. И тишина. Не городская, придавленная снегом, почти деревенская.

Напротив, через дорогу, хрущевка. Плитка новая, чистая, не облупившаяся. Ни одного кондиционера на балконах. У некоторых — деревянные рамы, покрашенные голубой краской.

По дороге медленно проехали «Жигули»-«копейка». Не ржавые, а новенькие, сверкающие лаком в свете фонарей. За

рулём — мужик в шапке-ушанке.

Алексей перевел взгляд на здание напротив. Над подъездом плакат: «С наступающим — 1979 годом товарищи!» Красные буквы, белый снег, синее ночное небо.

— твою мать, — выдохнул он одними губами.

Посмотрел на свои руки. На нём современные джинсы, ярко-синий пуховик, которого в Союзе не выпускали, и кроссовки «Nike» с белыми полосками. Он — инопланетянин.

Паника накрыла холодной волной. Он рванул обратно, туда, откуда пришёл — в угол, где в его времени была дыра. Но здесь — ровная стена. Свежая штукатурка. Никакого отверстия.

— Нет, нет, нет — зашептал Алексей, лихорадочно водя руками по стене.

Рука провалилась. Прямо в кирпич. Кирпич оказался мазевом, дрожащей иллюзией. Он шагнул вперёд, в стену — и снова мир дернулся.

Тьма. Падение. Холод.

Он стоял на коленях в пыли, среди старых ящиков. За спиной шумел проспект Ворошиловский — фары, троллейбусы, рекламные щиты. Две тысячи пятнадцатый.

Алексей сидел на полу, тяжело дыша. Сердце колотилось в горле. Руки дрожали.

— Галлюцинация, — сказал он вслух. — Переутомление. Степаныч прав.

Встал, отряхнул колени. Посмотрел на дыру в стене. Она

была на месте — овальная, темная, манящая.

— Нет. Больше никогда.

Вернулся в ординаторскую. Сел за стол, налил холодного чая. Руки всё ещё тряслись.

Он отодвинул папку дяди и взял книгу. Та самая, с подоконника — «Дело Чикатило». Раскрыл наугад, и страница словно сама нашлась. Глава про первое убийство.

«22 декабря 1978 года. Город Новочеркасск. Жертва — девятилетняя Елена Закотнова...»

Алексей пробежал глазами дальше. Даты, факты, протоколы. И вдруг замер. В тексте было описание: в тот день шел снег. Крупный, пушистый — декабрь выдался снежным. Свидетели потом рассказывали, что видели мужчину с девочкой возле плаката. Обычного такого мужчину, не приметного. А плакат висел на столбе — новогодний, красный, с надписью «С наступающим 1979 годом товарищи!».

22 декабря 1978. Снег. Плакат.

Алексей посмотрел в окно. Там, в 2015-м, тоже шел снег. Редкий, перемешанный с дождем, но все же.

— Двадцать второе... — прошептал он. — Если там сейчас... Если дыра правда... а что если там ещё не 22?

Мысль ударила током. Он резко встал, опрокинув стул.

В коридоре было темно. Он шел на автомате, не включая свет — ноги сами несли к старой части здания. Пленка зашуршала, пропуская его. Ящики, пыль, ржавчина. И дыра.

Она была на месте — узкая, овальная, из выщербленно-

го кирпича. И оттуда по-прежнему тянуло холодом. Другим холодом. Не подвальным — зимним. Морозным.

Алексей опустился на колени, осветил фонариком. Темнота не рассеивалась — луч просто проваливался в нее, как в бездну.

— Если я сейчас шагну, — сказал он вслух, — а там ничего нет? Если я просто стукнусь головой об стену?

Ответа не было. Только тишина и холод.

Он выключил фонарик. В полной темноте нащупал рукой край дыры. Кирпич был ледяным.

И шагнул.

Мир дернулся — и снова морозный воздух ударил в лицо. Недостроенный коридор, снег за окном, плакат через дорогу.

Алексей стоял, вцепившись в подоконник, и смотрел, как по улице идёт женщина в длинном пальто и пуховом платке, с авоськой. Из авоськи торчит буханка чёрного, замотанная в газету.

Он вышел из здания. Снег хрустел под кроссовками по-настоящему. Холод щипал щёки по-настоящему. Пахло морозом, углём и тем особым запахом, который он помнил из детства.

Осторожно, стараясь не привлекать внимания, он двинулся вдоль улицы. Остановился у витрины того самого продуктового магазина. Заглянул внутрь.

Продавщица в белом халате взвешивала колбасу. Очередь тянулась к прилавку. А на стене, над кассой, висел отрывной

календарь. Крупные чёрные цифры на белом листе:

21

И ниже, помельче:

Декабрь 1978

Сомнений не осталось.

Алексей стоял на морозе, сжимая в кармане телефон, который здесь не работал, и смотрел на календарь. Где-то в этом городе, завтра, маленькая девочка пойдёт по своим делам и не вернётся. А через шесть лет, в августе, его дядька Коля пойдёт купаться на Дон — и тоже не вернётся

— Гражданин!

Голос сзади. Резкий, начальственный.

Алексей обернулся. Двое в милицейской форме, с серыми барашковыми воротниками, уже спешили к нему.

— Ваши документы.

Алексей выдохнул. Посмотрел на них. Потом на календарь в витрине. Потом снова на милиционеров.

— Сейчас, — сказал он. — Только... можно я ещё раз на календарь посмотрю?

Милиционеры переглянулись.

— Ты чего, не местный? — спросил старший, с усами. — Или из психушки сбежал?

Алексей усмехнулся — невесело, одними уголками губ, как Степаныч.

— Из психушки, — сказал он. — Точно. Из неё.

И побежал.

Свисток. Крики. Топот сапог за спиной. Но в этот раз он знал дорогу.

Он влетел в проём стройки, перепрыгнул доски, вбежал в коридор — и бросился к стене. Вжался в неё изо всех сил.

— Стоять! — заорали сзади.

Алексей закрыл глаза.

И провалился.

Он упал на четвереньки среди старых ящиков. В нос ударил запах пыли, ржавчины, формалина. За спиной гудел проспект Ворошиловский. Две тысячи пятнадцатый.

Он сидел на полу, тяжело дыша, и смотрел на свои руки. В цементной пыли. На кроссовках — снег. Тает, превращается в грязные лужицы на бетоне.

Медленно поднялся. Подошёл к окну. За окном — реклама, троллейбусы, светофоры. Двадцать первый век.

Алексей посмотрел на дыру в стене. Овальная, тёмная, тихая. Ждёт.

— Там сегодня двадцать первое, — сказал он тихо. — Двадцать первое декабря семьдесят восьмого. А здесь — моё время. Моя жизнь.

Он достал телефон. Пальцы дрожали, когда он набирал в поисковике: «Лена Закотнова 1978».

Тело девятилетней девочки нашли 24 декабря в лесополосе. Убита 22-го.

Алексей смотрел на экран и чувствовал, как внутри поднимается то, о чём говорил Степаныч. Не пустота. Жар. Ре-

шение.

Он обернулся к дыре.

Вокзал

Утро после возвращения из 1978-го встретило Алексея головной болью и мутным осадком во рту, будто вчера он напился в хлам. Хотя не пил. Он сидел на кухне, сжимал кружку с остывшим чаем и смотрел на кроссовки. Они стояли у порога — ярко-синие, с белыми полосками, на подошве ещё держалась грязь. Не ростовская грязь, не эта слякоть пополам с реагентами. Та, другая. Чистый снег, превратившийся в воду на бетоне две тысячи пятнадцатого.

— Дурдом, — сказал он вслух.

Кроссовки молчали. Он достал телефон, нашёл в истории браузера вчерашний запрос. «Лена Закотнова 1978». Текст на экране не изменился: нашли 24 декабря, убили 22-го. Сегодня на его календаре было 22 декабря. Но там, за дырой, ещё 21-е. Алексей отложил телефон и уставился в стену. Мысли ворочались медленно, как тяжелые камни.

Первая: это не галлюцинация. Снег на кроссовках настоящий. Милиционеры настоящие. Страх — настоящий.

Вторая: если он сунется туда снова в этом прикиде, его заметят через пять секунд. Кроссовки «Nike» в 1978-м — это не просто модно, это инопланетно. Куртка пуховая, джинсы — всё кричит «чужой».

Третья: если он сунется туда снова... значит, он правда собирается это сделать. Собирается пойти и... что? Убить

человека, которого ещё никто не считает убийцей?

Он вспомнил слова Степаныча: «А смог бы? Взять кирпич, подойти к живому человеку и проломить ему череп?»

— Посмотрим, — сказал Алексей пустой кухне.

Секонд-хенд на Красноармейской назывался «Ретро-стиль», хотя никакого стиля там не было. Просто завалы старого тряпья, пропахшего нафталином и чужой жизнью.

Алексей толкнул дверь, звякнул колокольчик. Продавщица, женщина лет шестидесяти с химической завивкой, подняла глаза от книжки:

— Молодой человек, к нам обычно постарше приходят.

— Мне для спектакля, — соврал Алексей. — Самодеятельность. Нужно под семьдесят-восемидесятые.

— А, студенты, — она понимающе кивнула и махнула рукой вглубь зала. — Там смотри, на вешалках. Шинель есть хорошая, осенняя. Брюки клёш были вчера, но их сразу забрали.

Алексей прошёл вглубь, в этот душный полумрак, где время висело на плечиках плотными рядами. Он перебирал вещи методично, как трупы в морге. Вот куртка болоньевая, синяя, с потёртым воротником. Такие носили в начале восьмидесятых. Вот пальто драповое, тяжёлое, с огромными пуговицами — это раньше, наверное, семидесятые. Вот шапка-ушанка из серого цигейки, внутри ещё сохранился запах старого пота и машинного масла.

Он взял пальто, примерил перед мутным треснутым зер-

калом. Из зеркала на него смотрел чужой человек. Не Алексей Левша из 2015-го, а кто-то из старых фотографий. Из тех, что лежат в семейных альбомах и никого уже не интересуют.

— Беру, — сказал он продавщице, выкладывая на прилавок пальто, шапку, тёмные брюки и чёрные ботинки на толстой подошве. — И ещё шарф нужен, тёплый.

Продавщица окинула взглядом его джинсы, кроссовки, пуховик.

— Хороший спектакль-то?

— Исторический, — ответил Алексей.

Деньги оказались отдельной проблемой.

В его кошельке лежали только современные купюры — с городами, с орлами, с водяными знаками, которых в 1978-м ещё не придумали. Карточкой там не расплатишься, даже если найдутся терминалы — а их не найдётся. Алексей перерыл квартиру. Бабка была запасливая, но не настолько, чтобы хранить советские рубли тридцать семь лет спустя. В шкафу нашлась только мелочь — несколько монет ещё с гербом СССР, позеленевшие, почти антикварные. На них много не купишь. Он поехал на Центральный рынок. Там, в подземных переходах, всегда ошивались менялы, антикварщики, спекулянты. Нашёл мужичка с жидкой бородёнкой и табличкой «Монеты. Значки. СССР».

— Рубли старые нужны, — сказал Алексей вполголоса. — Бумажные.

Мужичок поднял на него глаза, быстрые, цепкие.

— Ну есть. А на что менять будем?

— На новые.

Мужичок усмехнулся:

— Курс знаешь?

— Какой курс? Они уже ничего не стоят.

— Ага, не стоят. А ты зачем пришёл? — Мужичок достал мятую пачку сторублёвок с Лениным, пожелтевших, с хрустом. — Такие ещё поискать. Коллекционная ценность. Тысяча новых за одну старую. Идёт?

— Идёт, — сказал Алексей. У него не было времени торговаться.

Он отсчитал пять тысяч, получил пять старых сторублёвок. Смотрел на них и чувствовал себя фальшивомонетчиком. На каждой — портрет Ильича, серийный номер, водяные знаки. В 1978-м на эти деньги можно было прожить месяц.

Или купить билет до Новочеркасска.

Вечером он пришёл к Степанычу.

Старик жил один в хрущёвке на Нагибина, в квартире, пропахшей табаком и кошачьей мочой. Кота, впрочем, не было — Степаныч говорил, что кошка сдох лет пять назад, а запах остался, потому что въелся в обои.

— Опять ты, — без удивления сказал Степаныч, открывая дверь. — Проходи. Чай будешь?

— Буду.

Они сидели на кухне. Степаныч в трусах и майке-алкоголичке, Алексей в своём, уже привычном. На столе — гранёные стаканы, заварка в заварнике, сахарница с отбитой крышкой.

— Я завтра уезжаю, — сказал Алексей. — На пару дней.

Степаныч глянул на него поверх очков:

— Куда?

— По делам.

— По каким таким делам? У тебя работа, между прочим.

Я, конечно, прикрою, но если начальство...

— Прикроешь, — перебил Алексей. — Спасибо.

Они помолчали. Степаныч налил чай, придвинул сахарницу.

— Ты это... — начал он и запнулся. Потом продолжил: —

С дядькиным делом не зарывайся. Я понимаю, личное. Но иногда правда такая, что лучше б её не знать.

— Знаю, — сказал Алексей.

— Ни хрена ты не знаешь, — отрезал Степаныч. — Молодой ещё. Думаешь, если докопаешься до истины, полегчает? Не полегчает, Лёха. Истина — она вообще редко кому полегчение приносит. Чаще — камнем на шею.

Алексей допил чай, поднялся.

— Я помню, Степаныч. Спасибо за всё.

В дверях старик окликнул его:

— Лёха!

Алексей обернулся.

— Ты аккуратнее там. Время — оно, знаешь... не резиновое.

Алексей замер. Степаныч смотрел на него в упор, и в глазах у старика было что-то странное. Будто он знает больше, чем говорит.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Алексей.

— Ничего, — Степаныч отвёл взгляд. — Иди уже. И помни: если что — я тебя не видел, не знаю и ничего не говорил.

Ночью Алексей сидел на кухне и рассматривал экипировку. Пальто висело на спинке стула, ботинки стояли рядом. На столе лежали старые рубли, шапка, шарф.

Он достал из ящика скальпель — новый, в стерильной упаковке. Положил рядом с деньгами. Подумал — и убрал обратно. Нельзя. Если его остановят, скальпель — это статья. Да и что он им сделает? Чикатило резал ножом, у него опыта больше.

Нужно что-то другое. Тяжёлое. Надёжное.

Он обвёл взглядом кухню. В углу, за холодильником, стояла монтировка — ещё бабкина, с тех пор, как меняли дверь. Металлическая, тяжёлая, с загнутым концом.

Алексей взял её в руку, взвесил. Хорошо идёт. Если бить с замахом — череп проломит с первого удара.

Он отложил монтировку и посмотрел на свои руки. Руки патологоанатома. Они видели много смертей. Но никогда не причиняли смерть.

— Завтра всё изменится, — сказал он вслух.

За окном падал снег. Тот самый, перемешанный с дождём. Две тысячи пятнадцатый год отсчитывал последние часы перед его вторым прыжком.

Утром 22 декабря 2015-го Алексей оделся.

Это было странное переодевание. Сначала современное бельё — с ним ничего не сделаешь, там внутри всё равно не видно. Потом брюки из секонд-хенда — шерстяные, чуть коротковатые, с пузырями на коленях. Рубашка серая, хлопковая, с отложным воротником. Сверху пальто — тяжёлое, длинное, почти до щиколоток. На ноги — ботинки, разношенные, но крепкие. Шапка-ушанка. Шарф.

Он посмотрел в зеркало в прихожей. Из зеркала смотрел мужик из восьмидесятых. Чуть моложе, чуть чище, но в целом — свой. Такой в очереди не выделится, в автобусе не привлечёт внимания.

В карман пальто он положил деньги — три сторублёвки, остальные две спрятал в ботинок, под стельку. В другой карман — документы. Современный паспорт, водительские права. Там они бесполезны, но если потеряет — конец.

Монтировку он сунул за пояс, под пальто. Торчит, заметно. Пришлось переложить в пакет — обычный целлофановый пакет-майка, с какими в магазин ходят.

В кармане куртки — телефон, ключи, зажигалка. Телефон там не ловит, но часы показывает, и фонарик есть. Пригодится.

Он стоял в прихожей, одетый в прошлое, и смотрел на дверь. Там, за дверью, обычная жизнь. Работа, маршрутки, Степаныч, чай в гранёных стаканах. Можно остаться. Никто не узнает. Дядя Коля уже мёртв тридцать лет. Лена Закотнова — тоже. Спасти их нельзя, потому что их уже нет. Всё это было давно и неправда.

— Статистика, — сказал Алексей.

Он открыл дверь и вышел.

В морг он приехал к одиннадцати. Степаныч уже был на месте, колдовал над каким-то утопленником.

— О, явился, — кивнул старик. — А я уж думал, ты правда уехал.

— Уезжаю, — сказал Алексей. — Сейчас. Только вещи заберу.

Он прошёл в ординаторскую, взял рюкзак — пустой, для вида. Посидел минуту, собираясь с мыслями. Потом встал и пошёл в старую часть здания.

Плётка зашуршала, пропуская его. Ящики, пыль, ржавчина. Дыра была на месте — овальная, тёмная, тихая. Из неё тянуло холодом.

Алексей скинул рюкзак, достал монтировку из пакета. Проверил деньги в кармане. Поправил шапку.

— Ну, с богом, — сказал он вслух.

Шагнул в темноту.

Мир дёрнулся, вывернулся наизнанку, провалился в тишину.

А потом ударил мороз.

...

Проваливаясь в темноту, Алексей успел подумать: «Главное — не упасть». Но падать было некуда. Просто мир вернулся, как носок, и холод ударил в лицо с той же жестокой звонкостью, что и в первый раз.

Он стоял в коридоре недостроя. Те же голые стены из неоштукатуренного кирпича, те же лампы дневного света в металлической сетке, давно потухшие. За окном, затянутым целлофаном, круглый фонарь на высоком столбе лил на снег ровный молочный свет. Алексей выдохнул — пар застыл в воздухе плотным облачком и медленно растаял, смешавшись с холодом.

Он проверил себя: пальто тяжелое, почти до щиколоток, в карманах — три сторублёвки, сложенные пополам, хрустящие, с портретом Ильича. В другом кармане — спички, зажигалка, горсть мелочи. Шапка-ушанка сидит плотно, закрывает уши. Ботинки на толстой подошве, внутри уже намокли от снега. Монтировка за поясом глухо прижата к спине, под пальто не заметна.

Он шагнул к выходу. Пахло цементом, морозом и почему-то хлебом — где-то рядом, должно быть, пекарня. На улице снег лежал ровно, нетронуту, ни следа. Тишина. Только где-то далеко, за пустырьём, лаяла собака, и ветер шевелил голые ветки тополей.

Алексей двинулся вдоль улицы, стараясь ступать бесшум-

но. Он уже знал дорогу: налево, мимо пятиэтажек с деревянными рамами, мимо вывески «Гастроном», потом через пустырь к вокзалу. Оттуда — электричка до Новочеркаска. У него есть время — сегодня двадцать первое декабря. Убийство завтра.

В кармане заныла монтировка, напоминая о себе. Он поправил её, пошёл быстрее.

Ростовский вокзал встретил его запахом мазута, пирожков и той особой суетой, которая бывает на вокзалах в канун праздников. В зале ожидания сидели люди с узлами, чемоданами, авоськами. Кто-то дремал на деревянных скамейках, подложив под голову сверток, кто-то пил чай из гранёных стаканов в подстаканниках, кто-то читал газеты — «Правду», «Известия», «Вечерний Ростов». Над головами висело радио, из которого время от времени доносился приглушённый голос диктора, объявляющий расписание.

Алексей подошёл к кассе. Женщина в синем халате и белой косынке, с усталым лицом и химической завивкой, даже не подняла головы, продолжая что-то писать в толстой тетради.

— До Новочеркаска, билет.

— Паспорт.

— Я — Алексей растерялся. — А обязательно?

Кассирша подняла глаза. Взгляд у неё был тот самый, который бывает у людей, проработавших на одном месте двадцать лет: усталый, равнодушный, но цепкий.

— Обязательно, молодой человек. Без паспорта билет не продаём. Порядок.

— Но я уже покупал вчера, без паспорта

— Вчера? — Кассирша подняла брови, и в голосе её появилась лёгкая насмешка. — Я здесь третьи сутки. Вас что-то не помню. Давайте паспорт, не задерживайте очередь.

Сзади зашумели. Алексей оглянулся — за ним стояли трое: мужчина с большим рюкзаком, женщина с авоськой, из которой торчала буханка, и старушка с палкой. Все смотрели с недовольством.

— Я забыл дома, — сказал он. — Мне очень надо

— Идите домой за паспортом. — Кассирша уже отвернулась к следующему. — Следующий!

Он отошёл, сжимая в кулаке трёшку. Без билета в Новочеркасск не попасть. Идти пешком? Сорок километров по морозу? Он не знал дороги, не знал, сколько времени это займёт. К утру он просто замёрзнет где-нибудь в поле, даже не дойдя до половины.

В зале ожидания было тепло. Пахло пирожками, мазутом, потом и дешёвым одеколоном. Алексей сел в углу, на скамейку у стены, поправил шапку, поднял воротник. Люди вокруг жили своей жизнью: вон тот мужчина в телогрейке уснул, открыв рот, рядом с ним женщина кормила ребёнка ложечки из банки, двое парней в военной форме играли в карты, матерились негромко, но сочно.

Он думал. Документов нет. Без документов ни билета, ни

гостиницы, ни нормального разговора с милицией. Он чужой в этом времени, и у него нет даже легальной причины здесь находиться.

Выход один: ехать «зайцем». Рискованно, но другого выхода нет.

— --

Платформа была заснежена, люди стояли кучками, дышали паром, перетаптывались с ноги на ногу. Алексей смешался с толпой, держась в середине. Когда электричка подошла — старый зелёный состав с деревянными скамейками, с надписью «Ростов — Новочеркасск» на табличке, с облезлой краской на дверях — он шагнул в тамбур последнего вагона, втиснулся между мужиком с рюкзаком и тётей с авоськой.

В тамбуре было тесно, пахло махоркой и сыростью. Рядом, в углу, стоял парень с гитарой в чехле, напевал что-то себе под нос. Мужик с рюкзаком курил, выпуская дым в приоткрытую форточку.

Электричка дёрнулась, пошла. Алексей перевёл дыхание.

Но контролёры появились через десять минут. Женщина в тёмном кителе, с сумкой через плечо, шла по вагону, проверяя билеты. Алексей начал пробираться к выходу, но в тамбуре уже стоял второй контролёр, с парнем в дружинной повязке.

Алексей начал пробираться к выходу, но в тамбуре уже стояли двое — контролёр и дружинник.

— Гражданин, ваш билет.

— Я сейчас — Алексей полез в карман, делая вид, что ищет. — Потерял, наверное. Только что был.

— Потерял, значит. — Контролёр вздохнула, как от зубной боли. — Выходите.

— Мне очень надо в Новочеркасск, — сказал он, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Я заплачу солько?

— Выходите, — повторила она твёрдо. — Следующая остановка — через пять минут.

Его вывели на маленькой станции посреди поля. Название он не разобрал — табличка замёрзла, буквы залеплены снегом. Электричка ушла, оставив его одного на бетонной платформе. Ветер дул в лицо, забирался под пальто, леденил щёки.

— Ну и где я? — спросил он вслух.

Ответа не было.

Он пошёл по шпалам. До Новочеркаска оставалось километров десять, но он не знал, в ту ли сторону идёт. Снег скрипел под ботинками, ветер дул в лицо, забирался под пальто. Холод пробирал до костей, руки окоченели, пальцы не сгибались.

Он шёл и шёл, глядя на рельсы, уходящие в снежную даль. По обе стороны — поля, занесённые снегом, чёрные стволы деревьев, провода. Ни души. Только ветер и снег.

Где-то через час он увидел указатель: «Новочеркасск — 6 км». Значит, правильно. Ноги гудели, лицо потеряло чувствительность, губы потрескались и кровоточили. Он шёл,

сжимая в кармане монтировку, и думал об одном: успеть.

Милиция

В город он вошёл, когда уже смеркалось. Фонари зажглись, тусклые, жёлтые, разгоняли тьму на несколько шагов. Улицы пусты, редкие машины, витрины с тусклым светом. Люди торопятся по домам, кутаясь в воротники.

Он нашёл хлебный магазин по памяти — одноэтажное здание из красного кирпича, вывеска «Хлеб» над дверью. Рядом — сквер с плакатом: «С наступающим 1979 годом, товарищи!» Ёлка ещё не наряжена, стоит в центре, припорошенная снегом. Плакат уже вывесили — красные буквы на белом, внизу — серп и молот.

Сейчас он здесь 21-го. Убийство завтра.

Нужно где-то переночевать. Без документов — только вокзал. Он побрёл обратно, но ноги не слушались, перед глазами плыло. Он не ел с утра, не спал больше суток.

На скамейке у вокзала он сел, привалился к стенке и закрыл глаза. Всего на минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.